³ Николаев А.Н. Исторические аспекты становления российской технократической элиты (1917–1996 гг.). Дис. ... д.и.н. Саратов, 1996. С. 189–190.

⁴ Мартынюк И.О. Инженер в зеркале времени. Киев, 1989; Железов Н.Н. Опыт использования инженерно-технической интеллигенции в экономических преобразованиях России // Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов. Межвуз. сб. науч. тр. Иваново. С. 97–108, и др.

⁵ Корулаев А.Е. Очерки интеллигенции России. Ч. 2. Очерки истории русской интеллигенции. М., 1995. С. 93.

⁶ Народное хозяйство Куйбышевской области за 50 лет. Куйбышев, 1967. С. 22; Народное хозяйство Куйбышевской области за 1981–1985 гг. Куйбышев, 1987. С. 11, 50, 212, 213.

*Н.Н. Макарова
(Магнитогорск)*

ПРОБЛЕМА ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ И БЕЗНАДЗОРНОСТИ В 1929–1935 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ МАГНИТОГОРСКА)

Общероссийские проблемы беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних в полной мере нашли отражение на Урале в 1930-е гг. К концу 1933 г. в Уральской области насчитывалось более 10 тыс. беспризорных детей только из семей спецпереселенцев¹. Проблема детской беспризорности трактуется прежде всего как отрыв детей от семьи с утратой постоянного места жительства, а ее отличительными признаками являются полное прекращение контактов с семьей и другими родственниками, проживание в местах, не предназначенных для человека, добывание средств к жизни, не признанными в обществе, девиантными способами. Социально-стратификационный срез преступности в Магнитогорске в первой половине 1930-х гг. показывает, что 95–97 % задержанных имели постоянную работу и относились к экономически активному населению города; оставшиеся 3–5 % являлись чаще всего несовершеннолетними, большинство из которых составляли не беспризорники, а дети из семьи². Детская преступность являлась прежде всего следствием недостаточного внимания, уделяемого детям в семье, плохо организованной воспитательной и учебной работой и, естественно, общей неблагоприятной социально-экономической и психологической обстановкой в городе. Следовательно, в Магнитогорске преобладала именно безнадзорность³, но имела места и проблема беспризорности.

Возникновению и росту беспризорности среди детей способствует социально-экономическая обстановка в стране и микроклимат в семье. В России детская беспризорность приобрела угрожающий характер после I Мировой и Гражданской войн. В СССР в эпоху форсированной индустриализации масштабы детской беспризорности были на порядок ниже, чем в 1920-е гг., но проблема по-прежнему стояла весьма остро.

Увеличение числа безнадзорных детей на Урале исследователь И.А. Лаврова объясняет следующими факторами: значительное число семей спецпереселенцев, начавшаяся паспортизация и приток беспризорных детей в поисках лучшей доли⁴. Но в условиях Магнитостроя существовала еще одна важная причина роста числа безнадзорных и беспризорных детей — высокий процент смертности среди населения города. Так, в 1933 г. естественный прирост населения был отрицательным и составил 5,4⁵. Важными причинами роста беспризорников в Магнитогорске являлись также пьянство родителей и жестокое обращение с детьми, отсутствие действенной системы органов и организаций охраны прав и законных интересов детей. Все это вызывало уход детей и подростков из дома и, соответственно, рост беспризорности. Вопро-

сы детской безнадзорности и преступности в Магнитогорске были одними из наиболее острых. Более того, они усугублялась специфической социально-экономической и морально-психологической ситуацией в городе-новостройке. В свою очередь рост числа беспризорных и безнадзорных детей вел к тяжелым социальным последствиям и возникновению разнообразных девиантных видов поведения среди несовершеннолетних.

Прокуратура города была серьезно обеспокоена ростом детской преступности⁶. В течение января 1933 г. органами милиции было выявлено несколько десятков случаев участия малолетних в воровстве под руководством взрослых, но также в городе были преступные группы, состоящие только из детей⁷. Самым громким в городе стало дело о «Шайке воров-школьников», которые в течение более двух лет занимались «организованным вредительством и воровством, устраивали целые побоища..., было несколько случаев убийств»⁸. Для борьбы с детской преступностью власти направляли малолетних преступников в детприемник Магнитогорска, который вскоре оказался переполненным, а также боролись за создание специальной организации по борьбе с детской беспризорностью и преступностью — так называемый КОМОНЕС (Комиссия по делам несовершеннолетних)⁹. Кроме того, президиум городского совета издал 10 июля 1933 г. специальное постановление «Об организации детколони для беспризорных детей»¹⁰, в которую направлялись несовершеннолетние нарушители закона из детприемника. Основными функциями названных организаций были борьба с беспризорностью и детской преступностью, организация системы патронажа и всех видов профилактической работы с детьми, а также пропаганда среди взрослого населения города¹¹. Те же цели преследовало изданное горсоветом обязательное постановление «О борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью», в соответствии с которым детям до 16 лет запрещалось «торговать на улице любым товаром, чистить обувь, болтаться на улицах и вокзалах, находится на улице позднее 21 часа»¹². Дети представляли собой категорию самых слабых и социально незащищенных граждан. Поэтому детская беспризорность в значительной степени являлась формой приспособления к жизни в чрезвычайных условиях.

Среди девиантных форм поведения в Магнитогорске одной из наиболее распространенных являлось хулиганство. При этом стоит отметить, что среди хулиганов преобладали несовершеннолетние. Так, с хулиганами в Магнитогорске можно было встретиться даже в школе. Переростки, которых заставляли учиться всевозможными способами пытались срывать уроки. Учителя оказывались в сложной ситуации. Многие применяли силу. Респондент Л.Г. Чернопятова рассказывает: «Запомнился мне особенно наш классный руководитель Иван Сергеевич. Не потому что знания какие-то особые давал, а просто мужчина в школе — редкость, и еще потому что про него рассказывали, что он детей бьет. Он работал в Магнитогорске в школе с самого начала. Ну, в 1931 г. он здесь уже точно работал, потому что отец мой, когда приезжал сюда с ним познакомился и даже ночевал в учительском бараке. Когда я у него училась, он детей не бил, но всегда ходил с огромной указкой и постукивал ей по партам — дисциплина была идеальная, все переростки тихо себя вели»¹³.

Отказ от многовековой христианской морали вызвал ликвидацию элементарных регуляторов поведения и исчезновение уважения к старшим. Проблемы учебно-воспитательного процесса связывались главным образом с «происками классового

врага» и слабой организацией коммунистического воспитания в школе. Все это, в сочетании с невероятно тяжелыми условиями жизни, приводило к распущенности детей и подростков. В качестве примера можно привести выдержку из информационной записки в Челябинский обком ВКП(б): «В школах области наблюдалось сильное хулиганство учеников, неуважительное отношение к учителям и учащимся друг к другу...»¹⁴. В отчете совещания партийных и комсомольских руководителей в ЦК ВКП(б) по вопросам пионерской работы от 7 мая 1933 г. отмечалось о неблагоприятной тенденции распространения хулиганства в индустриальных центрах Урала¹⁵. Кроме того, отмечалось, что в одной из школ Магнитогорска выявлена «бандитская воровская шайка», которая «вредила школе, терроризировала педагогов и учащихся»¹⁶. Воспоминания учителя Магнитогорска Е.К. Яворской ярко свидетельствуют о наличии в школах города хулиганства: «... мы с завучем вошли в класс. Нас приветствовали свистом... Прямо перед моими глазами мальчики первого ряда сели на столы... Тройка рослых ребят подошла ко мне и сказала, что я работать у них не буду...»¹⁷.

Местные власти неоднократно ставили вопрос о полной ликвидации уличной беспризорности и решительном улучшении жизни воспитанников в детских домах, о борьбе с хулиганством в школах, о жесткой дисциплине, но результаты были мало-значительны. Число малолетних преступников в городе практически не сокращалось, несмотря на предпринимаемые меры. Увеличение доли краж в структуре преступности в начале 1930-х гг. свидетельствовало об ухудшении материального благосостояния семей и детей города. Детприемник и детский дом, начавший работу в 1933 г., не соответствовали санитарным нормам, качество и количество пищи, положенное в день на ребенка, было недостаточным, воспитатели, как правило, были заняты решением своих бытовых проблем. В подобных условиях дети должны были приспосабливаться и многие подростки попадали на улицу, где усваивали навыки поведения в криминальной среде. Поэтому важнейшей задачей местных органов власти являлась организация пенитенциарной системы для детей и подростков, основные элементы которой к середине 1930-х гг. в масштабах СССР уже сложились. Был разработан комплекс мер, направленных на исправление детей, вставших на преступный путь; создана сеть исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей; определены источники финансирования, утверждена структура и принципы работы детских домов. Зародилось такое направление исправительно-трудовой политики, как социальная реабилитация подростков, освободившихся из мест заключения. В Магнитогорске к указанному времени пенитенциарная система только начала складываться и была представлена следующими учреждениями: детский приемник и детский дом, целевой установкой которых являлось оказание помощи детям и подросткам.

Примечания

¹ Лаврова И.А. Детская беспризорность на Урале в первой половине 1930-х гг. // Уральский исторический вестн. 2008. № 1. С. 45.

² Магнитогорский городской архив (МГА). Ф. 12. Оп. 1а. Д. 9. Л. 109.

³ Безнадзорность — это отсутствие или недостаточность контроля за поведением и занятиями детей и подростков, воспитательного влияния на них со стороны родителей или заменяющих их лиц. Безнадзорность выражается в отчуждении самих детей от семьи, детского коллектива, и одновременно — в безразличии родителей, воспитателей к детям (Кошляна В.С. Безнадзорность как социальное явление: www.orthedu.ru).

⁴ Лаврова И.А. Указ. соч. С. 46.

⁵ Рассчитано по: Архив Магнитогорского бюро ЗАГС: Книга учета архивного фонда книг о рождении; Книга учета архивного фонда книг о смерти.

⁶ МГА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Л. 8, 29.

⁷ Там же. Л. 29.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ МГА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 57. Л. 46; Магнитогорский краеведческий музей. Ф. 5243/1.

¹¹ МГА. Ф. 12. Оп. 1а. Д. 9. Л. 109.

¹² МГА. Ф. 12. Д. 11. Л. 2.

¹³ Воспоминания А.И. Чесноковой, записанные Н.Н. Макаровой в 2008 г.

¹⁴ Загребин С.С. Повседневность как историческая реальность: 1930-е годы на Южном Урале и культурное строительство // Архивное дело в Челябинской области. 1997. № 11. С. 84.

¹⁵ Журавлев С.В., Соколов А.К. «Счастливые детство» // Социальная история: Ежегодн. 1997. М., 1998. С. 166.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Яворская Е.К. Памятный год // Сб. воспоминаний ветеранов народного образования Магнитки. Магнитогорск, 1982. Л. 9.

*С.А. Нефедов
(Екатеринбург)*

ПРОБЛЕМА ВЕЛИКОЙ СМУТЫ: КРИЗИС В ПЕРИОД РОСТА

Причины катастрофы, произошедшей в России в начале XVII в., до сих пор вызывают дискуссии среди историков. В советской историографии господствовала концепция Б.Д. Грекова–В.И. Корецкого, которая объясняла кризис тем, что «с ростом потребностей господствующего класса» в XVI в. началось «широкое наступление феодалов» на крестьян; оно сопровождалось развитием барщинной системы хозяйства, ростом государственных налогов и частновладельческих повинностей. Крестьяне отвечали на это наступление классово-войсковой борьбой, вылившейся в Крестьянскую войну начала XVII в.¹ Однако эта концепция встретила возражения со стороны ряда исследователей; по мнению А.Л. Шапиро, в России (в отличие от большинства восточноевропейских стран) рост барщины не был основным фактором процесса закрепощения². Еще один диссонанс в общепринятую схему был внесен работами Г.Е. Абрамовича, В.М. Воробьева и А.Я. Дегтярева, которые показывали, что в 1580-х гг. наблюдалось не увеличение, а уменьшению платимых крестьянами государственных налогов³.

Смена власти в 1991 г. способствовала еще большей противоречивости суждений. Р.Г. Скрынников выступил с критикой взглядов В.И. Корецкого, назвав Крестьянскую войну начала XVII в. «историографическим мифом»⁴. В работах Р.Г. Скрынникова, А.Л. Станиславского, Ч. Даннинга и некоторых других авторов делается акцент на сложном, комплексном характере конфликта, на смену понятию «крестьянской войны» приходит концепция «гражданской войны»⁵. Вновь стала популярной концепция С.М. Соловьева, отрицавшая социальный характер Крестьянской войны. «Восставшие стремились истребить бояр и дворян, чтобы занять их место, — пишут А.Л. Юрганов и Л.А. Кацава. — Восставших вело стремление к обогащению»⁶. Новый учебник для вузов объясняет «великое разорение» политикой Ивана Грозного; это разорение вызвало побег крестьян и, чтобы остановить их, царь ввел «заповедные лета», заложившие основу крепостного права⁷. Однако в этом вопросе так же нет единства мнений; С.Г. Скрынников считает, что причи-